

Мексика. Пунта-де-Мита. Каса-де-Рохас...

Более двухсот гостей собрались в поместье на берегу океана в закрытом сообществе «Фоурсезонс голь-курс резорт». На площади более двадцати тысяч квадратных футов, включая четыре мастер-люкса, две детские двухъярусные комнаты и отдельно стоящую виллу, дом легко стал самой известной резиденцией во всем сообществе. От массивных парадных дверей с ручной резьбой до обширной каменной кладки и мраморных работ, из-за которых фойе больше походило на европейский собор, чем на частную резиденцию, от «Каса-де-Рохас» захватывало дух с того момента, как вы входили.

Неудивительно, что подруга Мигеля, Соня Батиста, ахнула, когда он вел ее мимо огромных каменных колонн, поддерживающих арки из дорогого гранита, к бесконечному бассейну и обширной каменной террасе за ним.

— У каждого есть секреты. — сказала она, остановившись, чтобы опереться на одну из колонн и посмотреть в широкие световые люки. — Но это... это просто немного ошеломляет.

Затем она опустила взгляд на каменный пол, на замысловатые узоры которого у художников и всемирно известных архитекторов ушли месяцы, чтобы задумать, и годы, чтобы завершить. Мигель расскажет ей об этом позже, когда проведет для нее полную экскурсию. Сейчас им нужно было занять свои места до того, как его отец начнет презентацию.

Тем не менее, он не смог удержаться, чтобы не воспользоваться последним моментом, чтобы полюбоваться ее вьющимися волосами до плеч, которые в самый раз отражали полуполуденное солнце, блестя, как черный вулканический песок. Он стоял там, двадцатидвухлетний парень с неистовым либидо, представляя, что они будут делать позже. Она была стройной, как любая модель с подиума, но при этом удивительно спортивной, и в течение последнего месяца он исследовал каждый изгиб ее юного тела и провел много долгих мгновений, глядя в ее глубокие карие глаза с полудюжиной золотистых искорок.

Он придвинулся к ней, быстро украл поцелуй. Она хихикнула.

— Давай. — схватил он её за запястье. — Мой отец убьет меня, если мы опоздаем.

Она чуть не споткнулась и не упала, когда они бросились вперед, потому что смотрела не вперед, а разинув рот, на одну из трех просторных кухонь с барами, которые могли вместить двенадцать человек, и примыкающий банкетный зал, рассчитанный почти на сто. Справа и слева от них мерцало больше каменной кладки, поднимающейся к двадцатифутовым потолкам. Он рассказывал ей все о мебели, которую его отец импортировал со всего мира, рассказывая истории, стоящие за многими предметами.

Он знал, что экскурсия займет несколько часов, и надеялся, что у них будет время посетить библиотеку, тренажерный зал, медиа-зал и крытый тир, прежде чем отправиться спать вечером. Она понятия не имела о длине и широте дома, и все же, когда он показал ей это, она узнала не только больше о нем, но и многое о его отце, Хорхе Рохасе.

— Я более чем немного нервничаю. — сказала она, сжимая его руку, когда они дошли до конца длинного коридора и собирались выйти на пеструю брусчатку террасы у бассейна.

Кастильо стоял там, как всегда, шестифутовая статуя в темном костюме с наушником и в темных очках.

— Соня, это Фернандо Кастильо. — Мигель повернулся и сказал. — Он начальник службы

безопасности моего отца, но он все еще отстойно задрачивает в игре «Call of Duty»...

— Это потому, что ты гребанный читер. — сказал Кастильо с легкой усмешкой. — Ты постоянно читеришь в играх — уж я-то знаю.

— Тебе просто нужно научиться стрелять.

Кастильо покачал головой, затем снял солнцезащитные очки, показывая, что у него был только один глаз; другой был зашит. Она вздрогнула, но все же взяла его за руку.

— Очень приятно познакомиться с вами. — сказал он.

— Ты тоже.

— Я не хотел быть грубым с такой красивой леди. — сказал он, надевая солнцезащитные очки.

— Но иногда лучше, чтобы я их не снимал, да?

— Все в порядке. — сказала она. — Спасибо тебе.

Они отошли и начали просачиваться сквозь группы людей, стоящих вокруг обеденных столов, которые окружали бассейн.

— Не позволяй ему себя разыгрывать. — Мигель прошептал ей. — Он видит больше этим одним глазом, чем большинство людей видят двумя.

— Как он потерял его?

— Когда он был еще ребенком. Это печальная история. Может быть, я когда-нибудь расскажу тебе, но сегодня вечером мы пьем дорогое вино и веселимся! — Мигель изогнул брови и сжал ее руку.

В четырех разных барах у бассейна, в каждом из которых работали бармены, вино и шампанское лились рекой, а между двумя барами был установлен баннер со спокойными водами северной части Тихого океана и ярко-оранжевым небом, служащим идеальным фоном. Плакат гласил: «Добро пожаловать на сбор средств в рамках проекта по улучшению школы Хоре Рохаса». Это был ужин по тысяче долларов за тарелку, и отец Мигеля раз в два года таким образом уговаривал своих богатых друзей расстаться с частью своих денег ради великого дела. Работа, сделанная фондом его отца, была замечательной.

Правительство Мексики не могло сделать столько для улучшения системы образования, сколько Хорхе Рохас уже сделал и будет продолжать делать.

— Мигель, Мигель. — раздался знакомый голос позади них.

Плотная толпа гостей расступилась, чтобы пропустить Мариану и Артуро Гонсалес, тетю и дядю Мигеля, обоим под сорок, безупречно ухоженные и одетые, выглядевшие так, как будто они были готовы к появлению на красной дорожке Голливуда. Мариана была единственной сестрой его отца после смерти их брата.

— Посмотри на себя. — сказала его тетя, дергая за рукав его темно-серого костюма.

— Тебе это нравится? Мы с отцом нашли нового дизайнера в Нью-Йорке. Он прилетел, чтобы встретить нас.

Мигель никогда бы не сказал Соне, что костюм обошелся ему более чем в десять тысяч американских долларов. На самом деле, он иногда стеснялся богатства своей семьи и пренебрегал им, когда мог. Отец Сони был успешным бизнесменом из Мадрида, кастильцем, который владел компанией по изготовлению велосипедов на заказ (Кастилия), которая поставляла гоночные велосипеды профессиональным командам Тур-де-Франс. Однако ее семья никогда не могла соперничать с тем богатством, которое накопил его отец.

Хорхе Рохас был не просто одним из богатейших людей в Мексике; он был одним из богатейших людей во всем мире, что делало жизнь его сына одновременно сложной и сюрреалистичной.

— Так это и есть знаменитая Соня? — спросила его тетя.

— Да. — сказал Мигель, сияя от гордости, а затем, как и ожидала его тетя, его тон стал гораздо более официальным. — Соня, это моя тетя Мариана и мой дядя, мистер Артуро Гонсалес, губернатор Чиуауа.

Соня была идеальной леди и приветствовала их столь же официальным тоном.

Ее лучезарная улыбка и бриллиантовое ожерелье, мягко ниспадающее на шею, не остались незамеченными его дядей. Пока Мигель смотрел, как она говорит, он больше ничего не слышал и видел только ее действия и реакции, радость, которая освещала ее лицо и заставляла ее улыбаться, такой пьянящий свет в ее глазах.

Отец Мигеля познакомил их после того, как они поработали над некоторыми инвестициями с общими друзьями.

То, что она была кастилкой, очень впечатлило его отца. То, что у нее была отличная задница и обширное декольте, больше впечатляло Мигеля, по крайней мере, на начальных этапах их отношений. Он узнал, что она училась в Университете Комплутенсе, одном из крупнейших университетов во всей Европе, и он быстро понял, что за всей этой красотой действительно скрывался ум.

— Не осуждай меня. — сказала она ему. — Я не ходил в какую-то дорогую частную школу, но я закончил ее с отличием.

Лето после окончания университета она провела, путешествуя по Нью-Йорку, Майами и Лос-Анджелесу, городам, в которых она никогда раньше не бывала. Она была одержима модой и киноиндустрией. Ее диплом был в области управления бизнесом, и она подумала, что хотела бы работать в Калифорнии в большой студии или, может быть, в Нью-Йорке у известного дизайнера. К сожалению, ее отец не потерпел бы ничего из этого. Он дал ей год, чтобы найти себя, но этой осенью она пойдет работать в его компанию.

У Мигеля, конечно, были гораздо большие планы на нее.

— Итак, ты наконец вернулся из Испании. — сказала его тетя. — Как долго ты там был?

— Около месяца. — он ухмыльнулся Соне.

— Твой отец сказал мне, что это подарок на выпускной. — сказала его тетя, широко раскрыв глаза.

— Так и было. — гордо сказал Мигель. Затем он повернулся к своему дяде. — Как там дела

дома?

— Нам еще предстоит много работы. — Артуро провел рукой по лысине, затем кивнул. — Насилие становится все хуже.

— Но мы не говорим об этом сейчас, не так ли? — Мариана махнула рукой. — Не в такую ночь, как эта, когда столько всего нужно отпраздновать!

— Очень приятно с вами познакомиться. — Артуро покорно кивнул и улыбнулся Соне. — А теперь мы приглашаем вас к нашему столу. Это прямо там.

— О-о-ох, хорошо, мы сидим с тобой. — сказала Соня.

Прежде чем они смогли пересечь бассейн, чтобы добраться до столовой, к Мигелю подошли по меньшей мере четверо других друзей — деловые партнеры его отца, парни из одной из его бывших футбольных команд в Университете Южной Калифорнии и, по крайней мере, одна бывшая девушка, которая превратила тридцать секунд в то, что казалось тридцатью часами неловкости, когда они говорили по-французски, а Соня стояла там с потерянным видом.

— Я не знала, что ты говоришь по-французски. — сказала она ему, после того, как он, наконец, сбежал от назойливой сирены.

— Английский, французский, испанский, немецкий и голландский. — сказал он. — И иногда гангста, ты понимаешь, о чем я говорю, Джи?

Она рассмеялась, и они заняли свои места вокруг богато сервированного стола с некоторыми из лучших фарфоровых изделий и столовых приборов, доступных в мире. Его отец научил его никогда не принимать что-либо как должное, и, хотя он вел привилегированную жизнь, он ценил даже мельчайшие детали, такие как материал его салфетки или тип кожи, используемой для изготовления его ремня. Когда у стольких людей было так мало, ему нужно было быть благодарным и ценить каждую роскошь своей жизни.

Оборудованная микрофоном кафедра с ноутбуком стояла рядом с большим переносным проекционным экраном. Как и хотел его отец, он выступал с презентацией перед тем, как гости ели, потому что «у раздутых животов нет ушей» — любил он говорить.

— Дамы и господа, если вы присядете, мы начнем через минуту. — Артуро встал и подошел к кафедре. — Для тех из вас, кто меня не знает, я Артуро Гонсалес, губернатор Чиуауа. Я хотел бы представить моего шурина, человека, который не нуждается в представлении, но я подумал, что в данном конкретном случае я бы немного рассказал вам о взрослении Хорхе, потому что мы ходили в одну школу и знали друг друга всю нашу жизнь. — Артуро быстро вздохнул и неожиданно добавил. — Хорхе был плаксой. Я не шучу с тобой. — толпа разразилась смехом. — Всякий раз, когда у нас была домашняя работа, он часами плакал из-за этого. Потом он приходил ко мне домой, и я делал домашнее задание, и он давал мне немного кока-колы или жевательной резинки. Ты видишь? Уже тогда он понимал, что такое хороший бизнес! — больше смеха. — Но если серьезно, дамы и господа, мы с Хорхе оба по-настоящему ценили наше образование и наших учителей, и мы не стояли бы здесь без них, вот почему мы оба так глубоко чувствуем необходимость вернуть долг нашим детям. Хорхе расскажет больше о работе фонда, поэтому без дальнейших церемоний я представляю вам мистера Хорхе Рохаса!

Артуро посмотрел в сторону одной из решеток, и из-за нее появился мужчина, одетый в костюм, который соответствовал костюму Мигеля, за исключением галстука, который был ярко-красным с золотой строчкой по краям.

Его свежевystриженные волосы были плотно уложены гелем, и Мигель впервые заметил седые волосы, пробивающиеся у него на виске и в длинных бакенбардах. Мигель никогда раньше не думал о своем отце как о старике. Хорхе был атлетически сложенным мужчиной, который играл в футбольной команде университета Южной Калифорнии, когда был там студентом. Он даже был триатлонистом в течение нескольких лет, прежде чем повредил колено. Он по-прежнему поддерживал отличную форму и был внушительного роста шесть футов два дюйма, в отличие от Мигеля, который был всего пять футов десять дюймов и, казалось, больше не рос. Хотя у Хорхе часто на подбородке росла щетина за несколько дней, которую он объяснял тем, что был слишком занят, чтобы бриться (и это всегда вызывало недовольство, потому что один из богатейших людей в мире не мог найти время побриться?), в этот вечер он был чисто выбрит, с острым подбородком кинозвезды.

Он ухмыльнулся и помахал толпе, когда буквально выбежал из бара и подбежал к кафедре, чтобы крепко обнять Артуро. Но затем он отступил и начал сворачивать шею своему шурину, вызвав еще больший смех в толпе. Он отпустил Артуро и подошел к микрофону.

<http://tl.rulate.ru/book/107895/4581602>